

★ ВОЙНА ★
Я ПОМНЮ

ПРОЕКТ
АРТЕМА
ДРАБКИНА

★ ВОЙНА ★
Я ПОМНЮ

ТАНКИСТЫ

КНИГА ВТОРАЯ

ЯУЗА-ПРЕСС
МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
T18

Фотография на обложке:
© Борис Уткин / Фото ИТАР-ТАСС

T18 **Танкисты.** Книга вторая. — Москва : Яуза-пресс, 2018. — 320 с. — (Война. Я помню).

ISBN 978-5-9955-1003-1

Новая книга ведущего проекта о Великой Отечественной войне. Легендарный танк Т-34 — «Тридцатьчетверка» недаром стала главным символом Победы и, вознесенная на пьедестал, стоит в качестве памятника Освобождению по всей России и половине Европы. Эта книга дает возможность увидеть войну глазами танковых экипажей — через прицел наводчика, приоткрытый люк механика-водителя, командирскую панораму, — как они жили на передовой и в резерве, на поле боя и в редкие минуты отдыха, как воевали, умирали и побеждали.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-9955-1003-1

© Драбкин А.В., 2018
© ООО «Яуза-пресс», 2018

РЯЗАНЦЕВ
Дмитрий Иванович

Родился я 9 апреля 1922 года в Тульской области. В Воловском районе была такая деревня Щелкуновка. В тот период в ней насчитывалось порядка двухсот домов, около тысячи человек. А сейчас её уже нет, исчезла...

Семья у нас была из семи человек. Два брата, я, две сестры и мать с отцом. Вначале отец имел своё хозяйство, относился к середнякам, но уже с 1929 года родители работали в колхозе. Деревня была хорошая, работали дружно.

В 1939 году я окончил среднюю школу и поступил на годичные курсы при Епифанском педагогическом училище. Окончил их и получил назначение в неполную среднюю школу посёлка Куркино. Преподавателем физики и математики 5-7-х классов.

Но работать мне пришлось немного. Уже 25 октября 1940 года меня призвали в армию. Это был самый первый набор, когда призывали лиц восемнадцати лет, имеющих среднее и незаконченное высшее образова-

ние. Попал на самый край западной границы. В Белостокской области на реке Западный Буг есть такой пограничный город Чижев (ныне польский город Чижев). Там я в полку прикрытия прослужил полгода.

— Какое впечатление на вас произвела граница, природа, люди?

— Там равнинная местность, больших лесов нет, в основном кустарники. Только на границе по самому берегу была возвышенность. Речка совсем небольшая, за ней КСП (контрольно-следовая полоса). А с местными мы не общались, их там практически не было. Только два небольших фольварка стояли.

Наш 169-й полк входил в 86-ю механизированную дивизию, но, по сути, никой техники в полках не было, одно название. Вся артиллерия на конной тяге. Правда, стрелковое вооружение мощное. У меня лично вначале был ручной пулемёт, потом поменяли на автомат ППД.

— Как он вам показался? Говорят, что не очень надёжный.

— Ну, я же не воевал с ним. А на стрельбах все условия есть, так что всё нормально было.

Дивизия пришла сюда после финской кампании. В полку все сержанты и старшины были сверхсрочники, которые воевали там. Кое-что рассказывали, конечно. Что там шли очень тяжёлые бои, особенно на «линии Маннергейма». И холод, и мороз, раненые замерзали, очень много там погибло...

Мы постоянно занимались боевой подготовкой. Причем никаких отвлечений, никаких побочных ра-

бот — никогда ничего, только боевая подготовка. Строго — восемь часов полевых занятий и два часа самоподготовки, всего десять часов, и так ежедневно. Проводили, конечно, и политзанятия, но в основном тактика и огневая подготовка. Тактика, огневая подготовка да ещё штыковой бой. И так ежедневно в течение полугода. Причём наступление мы особенно не отрабатывали, в основном оборонительные действия — солдат в обороне, отделение, взвод, рота в обороне. А уже зимой провели полковые тактические учения. И вот я помню, как к нам приезжал Павлов — командующий округа. Лысый, коренастый такой. Он так встал перед строем, ещё руками так помахивал и пробасил: «Ежовые рукавицы! Дисциплина, дисциплина и ещё раз дисциплина...» Ну, часа два, может, побыл и уехал — объезжал войска.

А командиром дивизии у нас был полковник Зашибалов. На Финской он командовал нашим 169-м полком и получил за это Героя (http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=1795). Ходили разговоры, что он бывший генерал, но потом за какой-то проступок его разжаловали до полковника, но Героя не лишили.

— Чувствовалось приближение войны? Может, случались какие-то инциденты на границе?

— Нет, только авиация границу нарушила. За полгода, что я там прослужил, почти каждый день нарушили воздушное пространство. Только в небе появятся, нам сразу команду дают — «В укрытие! В укрытие!» Они полетают, только уйдут, появляются наши «чайки».

Но мы не чувствовали, что будет война. Спокойно занимались, только вот эти самолеты нарушали воз-

душное пространство. Ну, иногда нас по тревоге вывозили на границу. Вот там мы ощущали — граница, на той стороне немцы. И то, мы ведь на той стороне их не видели. Побудем там минут 20–30, посмотрим всё и обратно в часть. А потом, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Ещё где-то в январе я написал рапорт, чтобы меня направили на учёбу в танковое училище. А мой односельчанин, с которым мы и в школе учились, и на курсах, и в армию вместе призывались, написал в авиационное. Его направили в Ташкентское, но там не прошёл по здоровью и вернулся обратно в полк. Мы с ним после войны уже встретились. Оказывается, в первый же или второй день его тяжело контузило, и попал в плен. Всю войну провёл в плену, даже женился там. А помощником командира роты у нас был Шибельгут — немец по национальности, из поволжских немцев. Так он у них стал комендантом лагеря... (По данным <https://www.obd-memorial.ru> заместитель командира роты 169-го краснознаменного стрелкового полка 86-й стрелковой дивизии младший лейтенант Шибельгут Давыд Филиппович 1916 г.р. пропал безвести летом 1941 года.) Он потом его «по блату» из лагеря устроил на работу к бауэрам, и он всё время у одного хозяина жил и работал. Освободили их американцы только в 1945 году. Так я его всё расспрашивал — как же там у вас война началась? Ведь даже у нас в Минске первая бомбёжка случилась в четыре или пять утра. «Ну, говорит, поднялись по тревоге», в общем, на второй или третий день они все попали в плен. Ну, там действительно, это же Белостокский выступ.

А я ещё 17 апреля получил вызов и уехал в Минское танковое училище. Успешно сдал все экзамены и поступил. 1 мая уже с училищем участвовали в параде на площади Ленина. Училище, кстати, было имени М.И. Калинина. В казарме стояла его именная кровать, и на каждой поверке называли его фамилию, а правофланговый отвечает — «Михаил Иванович Калинин находится на государственном посту!» Помню, в баню нас водили через весь город. Строем идём, как запоём:

*Там, где пехота не пройдет,
и бронепоезд не промчится,
угрюмый танк не проползет —
там пролетит стальная птица...*

У нас запевалой был Лившиц — ох и голос у него был. А сразу после парада нас вывели в летние лагеря в Большое Стиклево. Это возле самого Минска, километров семь всего. Лагерь прекрасный — в хорошем лесу линейки, палатки. И вот в пять утра 22 июня немец уже бомбил наш лагерь. Сразу дали команду — снять палатки. Замаскировали все линейки, ёлками закрыли и ожидаем, что дальше будет.

Позавтракали, после этого объявили — в 12 часов по радио будет важное правительственное сообщение. Вот тут Молотов и заявил — началась война...

А уже на второй день — 23 июня, в ночь, нашу роту направили в Минск. Охранять здание правительства, тогда ведь, оказывается, шпионаж большой был, немец много диверсионных групп забросил, и мы от них охраняли здание правительства. Около суток там

пробыли, потом вернулись, и на третий день, 25 число, нас подняли по тревоге и на отход. Дошли до Березины и там заняли оборону. Но всю дорогу нас бомбили. Дня два там пробыли в обороне, сдерживали немца.

— А помните ощущение первого боя?

— Ну, как, не пойми что. Наблюдаем, по нам стреляют, и мы стреляем через речку... Мост ведь взорвали.

— Симонов описывал свои впечатления о Березине — бардак и сумятица.

— Мы же простые солдаты были, мы видели только свой участок, а общего понимания у нас не было. И что характерно. Пока ещё не подошли к Березине, видели, как бежали отдельные части с Прибалтики. А у нас никто не бежал, отходили организованно. Хотя сейчас говорят, мол, вот, командиры бросили. Нет! Никто, не бежал. Одни держат рубеж, другие отходят, потом наоборот. Даже кормили всю дорогу хорошо, мы не голодали. Всех курсантов кормили по 9-й норме. Там и масло, и печенье, мясо, даже белый хлеб. Так что у нас всё было организованно. Выполняли все команды своих командиров. Вёл нас наш командир батальона майор Шапиро. Заслуженный такой, орденоносец за испанские события. А начальником училища был генерал-майор Золотухин Николай Григорьевич, замполит — полковой комиссар Волышев. Короче говоря, отходили организованно и бои вели не только на Березине, но и с диверсионными группами, которые с самолётов

выбрасывали. Из-за этих парашютистов много всяких казусов было. Со мной был случай, тогда я и не понял, что это.

Как-то меня назначили в штаб батальона посыльным от роты, и начштаба мне приказывает: «Беги в такую-то роту», чтобы её на левый фланг переместить. Ну, пошёл я, иду, кругом свои, а тут этот часовой на меня оружие навёл. Стрелять он не стрелял, но я оттуда убежал.

И что ещё страшное при отходе? Народ, женщины с детьми, с приближением фронта прятались по окрестным лесам, и вот ночью после бомбёжки, ночами ведь тоже бомбили, кличут своих детей: «Маня! Ваня!», где, кто, кого, чего...

С Березины отошли на Белыничи, потом на Могилёв, немного там на Днепреостояли. Потом дошли до Смоленска и последняя точка — Рославль. Туда пришли практически без потерь. Никого не потеряли! И уже из Рославля всё наше танковое училище вывезли в Ульяновскую область. Там быстро, от Смоленска до Мичуринска, а от Мичуринска до Ульяновска прямая ветка идёт. Суток за двое всего довезли. 24 июля мы уже были в Ульяновске. Там наше училище стало 2-е Ульяновское танковое училище имени Калинина. Несколько дней устраивались на новом месте и уже 1 августа стали учиться.

В Минске мы изучали три образца танков: Т-27 — маленький такой, пулемётный. И Т-37 — плавающий, тоже пулемётный. На нём даже не рычаги, а штурвал такой маленький. Был и Т-38, тоже пулемётный, однобашенный. Этот уже более современный, с рычагами. Но в основном изучали — БТ-7. Он уже произвёл хоро-

шее впечатление. Корпус такой внушительный, пушка и мощный двигатель — 400 сил. Уже начали водить, когда война началась.

— А без гусениц катались?

— Да. У него же гусеницы просто снимаются, и идёт на колёсном ходу. А для того чтобы подсоединить колёсный ход, есть такая сзади, так и называется — гитара. Промежуточный агрегат. Вот его соединяют, и идёт на колёсном ходу. Только управляемые катки уже вторые. И такое же управление, как на автомобиле. Он может развивать до 70 километров в час, но мы только на маленьких катались — 25–30.

— Бэтэшка капризная была?

— Да нет, не сказал бы. Двигатель бензиновый — вот единственный недостаток. Но я ведь БТ много не эксплуатировал. Больше ездил на Т-70, Т-34, послевоенные танки хорошо помню.

А когда в Ульяновск приехали, стали изучать Т-60, был такой малый танк. Вместо орудия у него идёт шваковская 20-мм авиационная пушка, очень мощная. Снаряд с сердечником, который прожигает броню. Ну, мы его освоили, а потом нам привели Т-70, стали уже его изучать. Этот уже помощнее — пушка 45-мм, корпус красивый, примерно такого же склада, как у Т-34.

Училище мы окончили только в июне 1942 года. Присвоили звание лейтенантов, и нашу группу — 25 человек, по-моему, весь наш взвод, направили в Киров. Там при заводе был 31-й отдельный учебный танковый батальон, где формировали маршевые роты.

Когда прибыли туда, нам сразу объявили — «Вот ваше место в казарме. Вот вам карточки на питание в столовой». Но мы там пробыли совсем немного, суток около десяти. Занятий, по сути, и не было, только каждый день кого-то из нас вызывали на завод. И вот сформировали из нас 16 экипажей, но сколачивания экипажей как такового и не проводили. Там же по два человека всего — командир и механик-водитель.

— Помните, как вашего звали?

— Анатолий Стальненко, хороший был мехвод. И вот прибыли на завод, уже стоит ряд машин. Объявляют — «Ваша! Ваша... Ваша... Посмотрите, проверяйте, принимайте!» Проверили, вроде всё нормально. Потом на обкатку! 25 километров в одну сторону, 25 в другую.

Прибыли на полигон, сначала выверили орудие, пулемёт, а потом пробная стрельба — три выстрела. Всё нормально? Нормально! Обратно приехали, к каждой машине сразу подходят мастера — какие-то замечания были в пути? Всё проверили и приняли. Тогда рабочие работали на совесть, замечания могли быть только по мелочам. Может, что-то в системе питания, то ли топливо не поступает, то ли какие-то подтекания. Но у меня ничего такого не было.

В общем, машины приняли, и сразу же стоит эшелон. Заводские механики-водители загоняют машины на платформы, закрепили и жалуют — «Счастливого пути!»

Прибыли мы в Подмосковье, в Ногинск. В парке на улице 3-го Интернационала уже шло формирование 21-го танкового полка. Наша рота прибыла самая первая. На второй день прибывают командир

полка Бриженёв, замполит, тыловые подразделения. И на третий день прибыли сразу две танковые роты — Т-34. Всего 40 танков в полку. Вот там в Ногинске проводилось боевое слаживание, сколачивание экипажей, подразделений, проводили в округе тактические занятия — танк в обороне, танк в наступлении.

Ну, закончили формирование, по тревоге нас подняли и на станцию. Там провели митинг, напутствие дали и вперёд... Прибыли в Саратов, выгрузились ночью и в полной темноте без света совершили марш в Татищевские лагеря. Без фар, без ничего — полнейшая маскировка. Из-за этого у нас тогда произошёл несчастный случай. Как сейчас помню, командир танка — лейтенант Николенко ходил с фонарем, а механик-водитель придавил ему ноги... Случайно, конечно. Его сразу отправили в госпиталь, но какая его дальнейшая судьба, не знаю.

В этих Татищевских лагерях начали формировать 60-ю механизированную бригаду. Наш полк включили в неё. И вот, значит, у нас командиром роты был один старший лейтенант. Вдруг вместо него назначили нам Орлова. Тот самый Николай Григорьевич, который прибыл к нам в Минское училище перед самойвойной. Молодой свежеиспечённый лейтенант, он прибыл к нам в роту из Орловского училища. Тогда танкистов ещё отлично одевали — тужурки такие с галстуком, так что хорошее впечатление произвёл. Мы с ним до Рославля и отходили, он же командир нашего взвода. Только мы в Ульяновске остались учиться, а он уехал на фронт. В Сталинграде воевал на Т-34, а потом его опять к нам направили на Т-70. Вот так мы с ним

второй раз встретились. Все обрадовались. Провели в этих лагерях тактические учения для всей бригады, и опять нас по тревоге на платформы, через Волгу и вперёд...

Первый раз наш эшелон бомбили в Красном Куте. Налетели два самолёта, но мы все вытащили из машин свои пулемёты и как открыли огонь из 40 стволов, они сразу и смылись. В итоге привезли нас южнее Стalingрада, разгрузились на станции Капустин Яр. Там пробыли суток трое, в бане помылись, даже выкопали окопы. Выделили нам танковые печки, приварили дымовые шашки к кронштейнам, для маскировки. Потом стали готовиться к форсированию Волги. Изучили маршрут, и вначале нас по пешему учили, как грузиться на баржу. Все эти передвижения только по ночам. А потом подняли, погрузились. На Ахтубе стояла мощная баржа, все 40 танков на неё загнали и потянули по Волге.

В четыре утра вытянули нас к Каменному Яру, темно ещё было. Все машины расставили по посёлку, где только возможно: возле домов, стогов сена, лишь бы замаскировать. И весь день никакого движения. Даже питание только сухой паёк, лишь бы никаких передвижений. А уже вечером, в 20.00 — тревога! И опять вперёд.

Прибыли в Солодники. Но мы же не знали, Солодники оказался выжидательным районом не только для нашего полка, а для всего корпуса. Я там пробыл два дня, а потом Николай Григорьевич меня, вместе с другими командирами рот, направил готовить исходный район для наступления. Примерно километров за восемь-девять от переднего края уже стояла какая-то